

КНИГА ПЕРВАЯ

I. ВОРОНА И ЛИСИЦА

Уж сколько раз твердили миру,
Что лесь гнусна, вредна; но только всё не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок.

Вороне где-то бог послал кусочек сыру;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсем уж собралась,
Да позадумалась, а сыр во рту держала.
На ту беду Лиса близехонько бежала;
Вдруг сырный дух Лису остановил:
Лисица видит сыр, Лисицу сыр пленил.
Плутовка к дереву на цыпочках подходит;
Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит
И говорит так сладко, чуть дыша:
«Голубушка, как хороша!
Ну что за шейка, что за глазки!
Рассказывать, так, право, сказки!
Какие перушки! какой носок!
И, верно, ангельский быть должен голосок!
Спой, светик, не стыдись! Что, ежели, сестрица,
При красоте такой и петь ты мастерица, —
Ведь ты б у нас была царь-птица!»
Вещуньяина с похвал вскружилась голова,
От радости в зобу дыханье сперло, —
И на приветливы Лисицыны слова
Ворона каркнула во все воронье горло:
Сыр выпал — с ним была плутовка такова.

II. ДУБ И ТРОСТЬ

С Тростинкой Дуб однажды в речь вошел.
«Поистине, роптать ты вправе на природу, —
Сказал он, — воробей, и тот тебе тяжел.
Чуть легкий ветерок подернет рябью воду,
Ты зашатаешься, начнешь слабеть
И так нагнешься сиротливо,
Что жалко на тебя смотреть.

Меж тем как, наравне с Кавказом, горделиво,
Не только солнца я препятствую лучам,
Но, посмеваясь и вихрям и грозам,

Стою и тверд и прям,

Как будто б огражден ненарушимым миром:
Тебе всё бурей — мне всё кажется зефиром.

Хотя б уж ты в окружности росла,
Густою тению ветвей моих покрытой,
От непогод бы я быть мог тебе защитой;

Но вам в удел природа отвела

Брега бурливого Эолова владенья:

Конечно, нет совсем у ней о вас раденья». —

«Ты очень жалостлив, — сказала Трость

в ответ, —

Однако не крушись: мне столько худа нет.

Не за себя я вихрей опасуюсь;

Хоть я и гнусь, но не ломаюсь:

Так бури мало мне вредят;

Едва ль не более тебе они грозят!

То правда, что еще доселе их свирепость

Твою не одолела крепость

И от ударов их ты не склонял лица;
    Но — подождем конца!»
    Едва лишь это Грость сказала,
    Вдруг мчится с северных сторон
И с градом и с дождем шумящий аквилон.
Дуб держится, — к земле Тростиночка припала.
    Бушует ветер, удвоил силы он,
    Взревел — и вырвал с корнем вон
Того, кто небесам главой своей касался
И в области теней пятою упирался.

III. МУЗЫКАНТЫ

Сосед соседа звал откушать;
Но умысел другой тут был:
Хозяин музыку любил
И заманил к себе соседа певчих слушать.
Запели молодцы: кто в лес, кто по дрова,
И у кого что силы стало.
В ушах у гостя затрещало
И закружилась голова.
«Помилуй ты меня, — сказал он с удивленьем, —
Чем любоваться тут? Твой хор
Горланит вздор!» —
«То правда, — отвечал хозяин с умиленьем, —
Они немножечко дерут;
Зато уж в рот хмельного не берут,
И все с прекрасным поведением».

А я скажу: по мне уж лучше пей,
Да дело разумей.

IV. ВОРОНА И КУРИЦА

Когда Смоленский Князь,
Противу дерзости искусством вооружась,
Вандалам новым сеть поставил
И на погибель им Москву оставил,
Тогда все жители, и малый и большой,
Часа не тратя, собралися
И вон из стен московских поднялися,
Как из улья пчелиный рой.
Ворона с кровли тут на эту всю тревогу
Спокойно, чистя нос, глядит.
«А ты что ж, кумушка, в дорогу? —
Ей с возу Курица кричит. —
Ведь говорят, что у порогу
Наш супостат». —
«Мне что до этого за дело? —
Вещунья ей в ответ. — Я здесь останусь смело.
Вот ваши сестры — как хотят;
А ведь Ворон ни жарят, ни варят:
Так мне с гостями немудрено ужиться,
А может быть, еще удастся поживиться
Сырком, иль косточкой, иль чем-нибудь.
Прощай, хохлаточка, счастливый путь!»
Ворона подлинно осталась;
Но, вместо всех поживок ей,
Как голодом морить Смоленский стал гостей —
Она сама к ним в суп попалась.

Так часто человек в расчетах слеп и глуп.
За счастьем, кажется, ты по пятам несешься:
А как на деле с ним сочтешься —
Попался, как ворона в суп!

V. ЛАРЧИК

Случается нередко нам
И труд и мудрость видеть там,
Где стоит только догадаться
За дело просто взяться.

К кому-то принесли от мастера Ларец.
Отделкой, чистотой Ларец в глаза кидался;
Ну, всякий Ларчиком прекрасным любовался.
Вот входит в комнату механики мудрец.
Взглянув на Ларчик, он сказал: «Ларец с секретом,
Так; он и без замка;
А я берусь открыть; да, да, уверен в этом;
Не смейтесь так исподтишка!
Я отыщу секрет, и Ларчик вам открою:
В механике и я чего-нибудь да стою».
Вот за Ларец принялся он:
Вертит его со всех сторон
И голову свою ломает;
То гвоздик, то другой, то скобку пожимает.
Тут, глядя на него, иной
Качает головой;
Те шепчутся, а те смеются меж собой.
В ушах лишь только отдается:
«Не тут, не так, не там!» Механик пуще рвется.
Потел, потел; но наконец устал,
От Ларчика отстал
И, как открыть его, никак не догадался:
А Ларчик просто открывался.

VI. Лягушка и вол

Лягушка, на лугу увидевши Вола,
Затеяла сама в дородстве с ним сравняться:

Она завистлива была.

И ну топорщиться, пыхтеть и надуваться.
«Смотри-ка, квакушка, что́, буду ль я с него?» —
Подруге говорит. «Нет, кумушка, далеко!» —
«Гляди же, как теперь раздуюсь я широко.

Ну, каково?

Пополнилась ли я?» — «Почти что ничего». —
«Ну, как теперь?» — «Все то ж».

Пыхтела да пыхтела

И кончила моя затейница на том,
Что, не сравнявшись с Волом,
С натуги лопнула и — околела.

Пример такой на свете не один:
И диво ли, когда жить хочет мещанин,
Как именитый гражданин,
А сошка мелкая, как знатный дворянин.

VII. РАЗБОРЧИВАЯ НЕВЕСТА

Невеста-девушка смышляла жениха;
Тут нет еще греха,
Да вот что грех: она была спесива.
Сыщи ей жениха, чтоб был хорош, умен,
И в лентах, и в чести, и молод был бы он
(Красавица была немножко прихотлива):
Ну, чтобы все имел — кто ж может все иметь?
Еще и то заметь,
Чтобы любить ее, а ревновать не сметь.
Хоть чудно, только так была она счастлива,
Что женихи, как на отбор,
Презнатные катили к ней на двор.
Но в выборе ее и вкус и мысли тонки:
Такие женихи другим невестам клад,
А ей они на взгляд
Не женихи, а женишонки!
Ну, как ей выбирать из этих женихов?
Тот не в чинах, другой без орденов;
А тот бы и в чинах, да жаль, карманы пусты;
То нос широк, то брови густы;
Тут этак, там не так;
Ну, не придет никто по мысли ей никак.
Посмолкли женихи, годка два перепали;
Другие новых свах заслали:
Да только женихи средней уж руки.
«Какие простаки! —
Твердит красавица, — по ним ли я невеста?

Ну, право, их затеи не у места!
И не таких я женихов
С двора с поклоном проводила;
Пойду ль я за кого из этих чудаков?
Как будто б я себя замужством торопила,
Мне жизнь девическа ничуть не тяжела:
День весела, и ночь я, право, сплю спокойно:
Так замуж кинуться ничуть мне не пристойно».

Толпа и эта уплыла.

Потом, отказы слыша те же,
Уж стали женихи наворачиваться реже.

Проходит год,
Никто нейдет;

Еще минул годок, еще уплыл год целой:

К ней свах никто не шлет.

Вот наша девушка уж стала девой зрелой.

Зачнет считать своих подруг

(А ей считать большой досуг):

Та замужем давно, другую сговорили;

Ее как будто позабыли.

Закралась грусть в красавицыну грудь.

Посмотришь: зеркало докладывать ей стало,

Что каждый день, а что-нибудь

Из прелестей ее лихое время крало.

Сперва румянца нет; там живости в глазах;

Умильны ямочки пропали на щеках;

Веселость, резвости как будто ускользнули;

Там волоска два-три седые проглянули:

Беда со всех сторон!

Бывало, без нее собранье не прелестно;

От пленников ее вокруг ней бывало тесно:

А ныне, ах! ее зовут уж на бостон!

Вот тут спесивица переменяет тон.

Рассудок ей велит замужством торопиться:

Перестает она гордиться.

Как косо на мужчин девица ни глядит,

А сердце ей за нас всегда свое твердит.

Чтоб в одиночестве не кончить веку,
Красавица, пока совсем не отцвела,
За первого, кто к ней присватался, пошла:
И рада, рада уж была,
    Что вышла за калеку.

VIII. ПАРНАС

Когда из Греции вон выгнали богов
И по мирянам их делить поместья стали,
Кому-то и Парнас тогда отмежевали;
Хозяин новый стал пасти на нем Ослов.
    Ослы, не знаю как-то, знали,
    Что прежде Музы тут живали,
    И говорят: «Недаром нас
        Пригнали на Парнас:
    Знать, Музы свету надоели,
    И хочет он, чтоб мы здесь пели». —
«Смотрите же, — кричит один, — не унывай!
    Я затяну, а вы не отставай!
        Друзья, робеть не надо!
        Прославим наше стадо
    И громче девяти сестер
Подыдем музыку и свой составим хор!
А чтобы нашего не сбили с толку братства,
То заведем такой порядок мы у нас:
Коль нет в чьем голосе ослиного приятства,
    Не принимать тех на Парнас». —
    Одобрили Ослы ослово
    Красно-хитро-сплетенно слово:
И новый хор певцов такую дичь занес,
    Как будто тронулся обоз,
В котором тысяча немазанных колес.
Но чем окончилось разно-красиво пенье?
    Хозяин, потеряв терпенье,
    Их всех загнал с Парнаса в хлев.

Мне хочется, невеждам не во гнев,
Весьма старинное напомнить мненье:
    Что если голова пуста,
То голове ума не придадут места.

IX. ОРАКУЛ

В каком-то капище был деревянный бог,
И стал он говорить пророчески ответы
И мудрые давать советы.
За то, от головы до ног
Обвешан и серебром и золотом,
Стоял в наряде пребогатом,
Завален жертвами, мольбами заглушен
И фамиагом задушен.
В Оракула все верят слепо;
Как вдруг, — о чудо, о позор! —
Заговорил Оракул вздор:
Стал отвечать нескладно и нелепо;
И кто к нему зачем ни подойдет,
Оракул наш что молвит, то соврет;
Ну так, что всякий дивовался,
Куда пророческий в нем дар девался!
А дело в том,
Что идол был пустой и саживались в нем
Жрецы вещать мирянам.
И так,
Пока был умный жрец, кумир не путал врак;
А как засел в него дурак,
То идол стал болван болваном.

Я слышал — правда ль? — будто встарь
Судей таких видали,
Которые весьма умны бывали,
Пока у них был умный секретарь.

Х. ВАСИЛЕК

В глуши расцветший Василек
Вдруг захирел, завял почти до половины,
И, голову склоня на стебелек,
Уныло ждал своей кончины;
Зефиру между тем он жалобно шептал:
«Ах, если бы скорее день настал,
И солнце красное поля здесь осветило,
Быть может, и меня оно бы оживило?» —
«Уж как ты прост, мой друг! —
Ему сказал, вблизи копаясь, Жук. —
Неужли солнышку лишь только и заботы,
Чтобы смотреть, как ты растешь,
И вянешь ты, или цветешь?
Поверь, что у него ни время, ни охоты
На это нет.
Когда бы ты летал, как я, да знал бы свет,
То видел бы, что здесь луга, поля и нивы
Им только и живут, им только и счастливы.
Оно своею теплотой
Огромные дубы и кедры согревает
И удивительною красотой
Цветы душистые богато убирает;
Да только те цветы
Совсем не то, что ты:
Они такой цены и красоты,
Что само время их, жалея, косит,
А ты ни пышен, ни пахуч,
Так солнца ты своей доукою не мучь!